

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б52

Heather Burch
ONE LAVENDER RIBBON

Copyright © 2019 Heather Burch
This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Ольги Болятко*
Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Берч, Хизер.
Б52 Лавандовая лента / Хизер Берч ; [перевод с
английского О. А. Болятко]. — Москва : Эксмо,
2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-103139-8

Эдриэнн Картер переезжает в маленький городок во Флориде, где покупает старинный дом на побережье. На чердаке она случайно обнаруживает коробку с фотографией и связкой писем. Письма датированы 1942—1944 годами. Молодой солдат Уильям Брайант обращается в них к своей возлюбленной. Письма настолько поэтичны и трогательны, что Эдриэнн решает отыскать их автора, если он еще жив.

Ей удается найти адрес мистера Брайанта, но оказывается, что по нему проживает мужчина лет на пятьдесят моложе. Его тоже зовут Уильям, и он сразу понимает, о чем хочет поговорить Эдриэнн. Увы, он отказывается ей помочь, но эта встреча интригует Эдриэнн еще больше.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-103139-8

© Болятко О., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Наши дни

Уилл сидел в первом ряду. Даже не оборачиваясь, он знал, что комната битком набита людьми. Они пробирались ближе, чтобы отдать последнюю дань усопшей, и горестное напряжение наполняло комнату неловкой тишиной.

Уилл посмотрел на свои пальцы. Машинально скручивая маленькую листовку, что, по его мнению, делать на похоронах было неуместно, он судорожно сглотнул, стараясь избавиться от комка, стоявшего у него в горле. Взрослые мужчины не плачут. И он был уверен, что сможет сдержать свои эмоции и полностью владеть собой.

До того момента, пока маленькая ручка не проскользнула в его ладонь.

— Папа, тебе грустно?

Огромные темные глаза моргнули. Крохотное ангельское личико нахмурилось.

И это сломило его.

Он откашлялся, отчаянно пытаясь не потерять самообладание.

— Да, малышка. Папе грустно.

Девчушка еще сильнее нахмурилась, а ее глаза наполнились слезами.

— Тогда и мне грустно.

Он наклонился и подхватил ее на руки. Она на мгновение повернула голову, чтобы посмотреть на гроб, а потом обняла отца за шею своими крохотными ручонками. Уилл крепко прижимал ее к себе. Если бы не усопшая, у него не было бы его маленького сокровища. Заиграла музыка. Сквозь ткань сорочки он чувствовал теплое дыхание ребенка.

— Папа, — прошептала девочка, — когда мы вернемся домой, ты расскажешь мне еще раз историю про тебя и про маму?

Он чуть отодвинулся, чтобы посмотреть на ее лицо.

— Обязательно.

Он будет рассказывать ее тысячи раз, если она захочет. Потому что он даже не жил по-настоящему до того дня, как Эдриэнн Картер постучала в его дверь, держа в руках старинные письма.

Глава 1

— Письма, — прошептала Эдриэнн и провела пальцами по содержимому маленькой открытой коробочки, которую держала в руке. Снаружи раздался удар грома, и чердачное окно задрезжало. Она взглянула на него, потом на балку, где коробка лежала всего несколько мгновений назад. Эдриэнн поправила фонарь, который держала под мышкой, и склонилась над старой метлой — ее оружием против чердачных пауков, — стоявшей между пустым сундуком и стопкой старых журналов. Обведя чердак слабым светом фонаря, она отодвинула метлу в угол, крепко прижала к груди металлическую коробку. Там было что-то... необычное. Она не сомневалась в этом. Предвкушая интригу, она почти забыла, что залезла на чердак для того, чтобы проверить электроцит. Если свет в ближайшее время не включится, она вернется к этому занятию. Но сейчас ее ждали письма из далекого прошлого. И это было важнее всего остального.

Чердачная дверь заскрипела, когда Эдриэнн навалилась на нее всем телом, чтобы закрыть. Старые дома не всегда подчиняются правилам... таким простым, как плотное прилегание двери к дверной коробке, с которой они провели неразлучно почти

сотню лет. Эта дверная коробка предпочла разбухнуть. Переехав сюда, Эдриэнн позвонила отцу, чтобы спросить, что с этим делать. Но он просто сказал:

— Старые дома. Они дышат. И еще влажность и все такое. Зимой она будет лучше закрываться.

Словно в его словах был *смысл*. Словно на юге Флориды бывают *зимы*. Еще она посоветовалась с парнем из хозяйственного магазина. Но он лишь предложил ей нанять кого-нибудь, чтобы дверную коробку обтесали как надо. Нанять кого-нибудь. Ей придется нанять миллиард специалистов, чтобы привести этот дом в нормальное состояние.

Она спустилась по лестнице с чердака, прошла по коридору второго этажа и подошла к лестнице, ведущей на первый этаж ее нового... старого дома.

Неверный свет фонаря отбрасывал причудливые тени, то освещая, то скрывая в темноте разнообразные предметы, требовавшие разной степени реставрации. Если ей когда-нибудь удастся отреставрировать хотя бы несколько предметов, она закатит вечеринку. Если, конечно, у нее появятся друзья. Которых сейчас у нее не было.

Свет фонаря упал на какую-то устрашающую вещь в дальнем углу, заставив Эдриэнн замереть посреди лестницы. Но это было всего лишь кресло-качалка, накрытое простыней. Эдриэнн с облегчением выдохнула и осмотрелась, пытаясь обнаружить еще каких-нибудь монстров. Но их не было.

Она терпеть не могла оставаться без электричества. Это всегда случалось в самый неподходящий момент, во время грозы, от которой дребезжали ок-

на. Хотя, если честно, все это место выглядело гораздо лучше при мягком свете керосиновой лампы и фонаря, скрывавшем шрамы, полученные домом в течение жизни.

Пятно свежей краски ожидало ее у подножия лестницы. Ее рука, державшая металлическую коробку, вспотела. Пульс участился, и она поспешно уселась на диван, чтобы открыть первое письмо.

Июнь 1944

Дорогая Грейси,

я боюсь, что не знаю, куда меня заведет эта война. Я боюсь темного неведомого, которое таится вдалеке и держит нас в плену — если не наши тела, то наши сердца. Мысли о тебе помогают мне двигаться вперед, заставляют забыть об отчаянии, терзающем нас всех. До нашей встречи я был живым, но пустым. С того самого момента, когда я увидел тебя, у меня не было сомнения, что ты была всем, о чем мечтало мое сердце. Мои мысли постоянно возвращаются к тому дню. Вы с Сарой гуляли в парке. Твои золотые волосы трепал легкий ветерок. Твое белое летнее платье колыхалось на ветру, и когда ты рассмеялась, весь мир ожил. Мне отчаянно хотелось подойти и заговорить с тобой. Но я не осмелился. Я думал — вдруг ты лишь игра моего воображения и, если я приближусь к тебе, ты растаешь, как туман холодным утром. Я смотрел, как ты уходила, и чувствовал, что мое сердце уходит вслед за тобой. Я долго стоял, глядя на горизонт и надеясь, что

ты снова появишься из-за холма. Но ты не появилась.

Грейси, из всех страданий, которые выпали на мою долю, самое ужасное, самое мучительное — разлука с тобой. Но знай, за один день, проведенный с тобой, я вынес бы тысячу дней таких мучений. И я верю, что наступит время, когда мы будем гулять вместе по берегу океана, наблюдая рассвет и закат солнца. Нас будет соединять закон. В последнем письме ты сказала, что твоя мать очень довольна моим решением вступить в армию. Я молюсь, чтобы это было так. Я не хочу быть с ней в разладе. У нее есть только ты и Сара. Конечно, она хочет для тебя всего самого лучшего. Я знаю, что тебя огорчило мое решение, но это единственный путь.

Я вернусь к тебе.

И даю тебе обещание: мое возвращение мы будем праздновать целую вечность. Мы будем прославлять жизнь и любовь, и ничто никогда снова не разлучит нас. Молись за меня, Грейси.

И передай мою любовь Саре.

*Всегда твой,
Уильям*

Эдриэнн шумно выдохнула. Все еще держа письмо в руках, она посмотрела в дальний темный угол зала. Она смотрела в пустоту, неспособная сфокусировать взгляд. Она могла только чувствовать. *Каково это — получить такое письмо? Обожал ли кто-нибудь тебя так, что готов был умереть тысячу раз за один день с тобой?* Она не могла

этого представить. Их с Эриком любовь обернулась для нее одинокой дорогой, а его сделала эгоцентричным диктатором.

Кончики пальцев, прикасаясь к письму, посылали непонятные сигналы ее нервным окончаниям, сильные и незнакомые. Они ласкали ее отчаявшееся сердце, позволяя ей мечтать. И надеяться.

Сверкнула молния, и Эдриэнн подпрыгнула. Гостиная осветилась, словно вспышка гигантской камеры сфотографировала ее, державшую письмо до того интимное, что она чувствовала себя так, словно, находясь в собственном доме, вторглась в чужую жизнь. Эдриэнн прижала выцветший листок бумаги к сердцу, словно пытаясь впитать все прочитанное. Другой рукой она дотронулась до поржавевшего металлического ящика, служившего домом этому письму, скорее всего, дольше, чем она жила на свете. За окнами продолжала бушевать буря.

Она поднесла конверт поближе к керосиновой лампе. В первый раз после того, как она купила этот полуразвалившийся викторианский дом, она была благодарна проблемам с электричеством. Без них она никогда не нашла бы эти письма.

Но тем не менее она добавила звонок электрику в список дел, все растущий.

Эдриэнн стала внимательно разглядывать конверт.

С годами он стал серым, но имена и адреса можно было прочитать, и дата была пропечатана четко. Тысяча девятьсот сорок четвертый год. Значит, это было во Вторую мировую войну. Когда она прочитала адрес, у нее перехватило дыхание. Ее дом номер

722 на Хидден-Бич-Роуд. И имена: Грейс Чендлер от Уильяма Брайанта.

Рев океана на мгновение привлек ее внимание. Она притихла, прислушиваясь к разъяренному шуму воды и шороху пальмовых листьев о стену дома. Эдриэнн поставила коробку на деревянный кофейный столик и откинулась на спинку дивана.

Сколько раз она залезала на чердак и стучала по этому выключателю, не зная о коробке, лежавшей на балке? Если бы не пауки и ее умение виртуозно обращаться с метлой, коробка все еще лежала бы там, надежно спрятанная от любопытных глаз; коробка со старомодной чернильной ручкой, черно-белой фотографией и, наконец, стопкой писем, перевязанных выцветшей лавандовой лентой.

А ведь в тот вечер Эдриэнн, почти отчаявшись бороться с тем, что свет то включался, то гас, уже отправилась спать. И в этот момент свет снова погас и больше уже не включался. Керосиновые лампы придают храбрости, и страх проснуться в три часа ночи в доме, полном воображаемых привидений и странных звуков, заставил ее подняться по скрипящим ступеням на чердак. Теперь она была рада, что сделала это. Может быть, она наконец привыкает к старинному дому. И к одиночеству. Она не задумывалась над этим до первой ночи в скрипящем викторианском доме, но она никогда не была *одна*. Ни разу в жизни. Она уехала из родительского дома в штате Миссури и поступила в колледж, где делила комнату с другой студенткой — четыре замечательных года. А потом она вышла замуж за Эрика — почти шесть лет пытки.

Но она никогда не была одна. До того, как поселилась в этом доме.

Ее соседка Сэмми предупредила ее о разрушительных штормах во Флориде и посоветовала ей купить керосиновую лампу, свечи и фонари. Так что у нее *был* один друг: Сэмми. Но посиделки вдвоем вряд ли можно будет назвать вечеринкой. Еще был Райан, парень из колледжа, который помог ей перевезти пожитки. Они с ним несколько раз ужинали, гуляли по пляжу и славно проводили время, но Райан был не тем, кто был ей нужен. Забавные парни из колледжа могли нравиться ей несколько лет назад, но не теперь. Даже если ей удастся привести дом в относительно приличное состояние, вечеринка в компании двоих друзей будет не слишком веселой. Так что никаких вечеринок.

Она протянула руку к керосиновой лампе. Пламя колебалось и танцевало, когда она подкручивала ручку. Тени попрятались в углах гостиной. *Ее* гостиной. В доме, который она купила после пятиминутной экспертизы. Сейчас, когда она вспоминала об этом, это казалось ей сумасшествием. Поэтому она старалась об этом не думать. Тяжелые разводы на время лишают чувства здравого смысла. Эдриэнн провела последние несколько месяцев без этого чувства.

Но дом постепенно начинал ей нравиться. Он становился ее домом. Именно это она говорила себе. Одно можно было сказать без преувеличений — он выглядел намного лучше теперь, чем когда она прилетела из Чикаго и моментально сделала предложение купить его — которое было принято так же моментально.

Эдриэнн дотронулась до краешка ленты. «Рада познакомиться с вами, Грейс Чендлер и Уильям Брайант». *Кем они были, лишенные лиц имена из письма? Грейс жила в этом доме. Сара, по-видимому, была ее сестрой. И у каждой из них была своя комната.* Она на мгновение закрыла глаза, прислушиваясь к прошлому. *Как долго они жили здесь? Вернулся ли Уильям с войны?* При более ярком свете лампы она взяла коробку и вытащила фотографию. Красивый молодой человек в армейской форме стоял и улыбался, а рядом с ним стояла девочка. Эдриэнн провела пальцем по неровному краю фотографии. Кто-то оторвал от нее кусок. Она перевернула карточку, но там стояла только дата, 1942, и никаких имен.

Это мог быть Уильям. А девочка? Это никак не могла быть Грейс. Девочка в прелестном платье в горошек была совсем ребенком, намного моложе стоявшего рядом парня.

Он был необыкновенно хорош собой, с обаятельной улыбкой, увидев которую Эдриэнн тоже захотела улыбнуться. Его глаза были пронизательными и умными, и он смотрел с фотографии прямо на Эдриэнн. В его глазах читалась и романтичность, напоминавшая о романтичности письма. Безусловно, это был Уильям.

Погасив лампу, Эдриэнн встала и отнесла коробку на кухонный стол. Фонарь, зажатый под мышкой, осветил испачканный известью и шпаклевкой местный телефонный справочник. Город был таким маленьким, что здесь до сих пор их печатали. Она стала барабанить пальцами по столу, как делала всегда, пре-

жде чем совершить какой-нибудь нелепый поступок. Уильям Брайант, ветеран Второй мировой войны, все еще здесь, после стольких лет? Маловероятно. Или Грейс Чендлер? Нет. Прошла уже целая вечность. Но слова письма ожили в ее руках, и любовь казалась такой же юной, как в тот момент, когда он писал о ней.

Эдриэнн вновь начала жевать нижнюю губу. Она почти до крови прокусила ее, когда весь день очищала камин. С момента переезда во Флориду она узнала о себе две вещи. Первая — она была совершенно не приспособлена к тому, чтобы ремонтировать дома. И вторая — когда она обнаруживала, что к чему-то не приспособлена, она начинала жевать свою губу. Бросив взгляд на конверт, она открыла справочник на букве «Б».

И посреди страницы ее ожидало имя Уильяма Брайанта.

Глава 2

Уильям Брайант — известный всем как Попс — потер рукой шрам пятидесятилетней давности на левой ноге. По утрам при влажной погоде он начинал ныть, и хотя Уильям свыкся с этим, все равно шрам беспокоил. Уильям медленно поднялся с кровати и подошел к окну, давая размяться старым костям и суставам. Он раздвинул шторы, и тусклый утренний свет проник в комнату.

В комнате было несколько личных вещей и картин, но этого было недостаточно для того, чтобы